

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.3>

Волкова Виктория Борисовна, Абрамзон Татьяна Евгеньевна, Скворцова Мария Львовна

СВОЕОБРАЗИЕ ОБРАЗА ЭДИПА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОЗЕ ФРАНЦА ФЮМАНА

В статье исследуется своеобразие интерпретации образа царя Эдипа в творчестве немецкого писателя середины XX века Франца Фюмана. Авторы задаются целью выявить причины и особенности трансформации данного мифологического образа. Новизна работы обусловлена попыткой непосредственного сопоставления традиционного и авторского образов Эдипа, а также оценкой нравственного потенциала нового образа. Ключевым моментом, определяющим мотивацию современного Эдипа в трактовке Ф. Фюмана, становится искажённое восприятие действительности на фоне событий Второй мировой войны. Авторы статьи приходят к выводу о редуцированном характере заимствований Ф. Фюманом проблематики трагедий Софокла и заметном стилистическом "снижении" образа фюмановского Эдипа, намеренно лишённого автором любых положительных черт по отношению к оригинальному Эдипу Софокла.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 1. С. 18-22. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. Приходько И. С. Из истории Шекспировской комиссии Российской академии наук // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 208-223.
7. Приходько И. С. Растительная метафора в «Сонетах» Шекспира // Шекспировские чтения / Научный совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. А. В. Бартошевич. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 116-122.
8. Шекспир У. Сонеты / пер. А. Финкеля // Шекспировские чтения – 1976. М.: Наука, 1977. С. 219-284.
9. Шекспир У. Сонеты / подгот. А. Н. Горбунов, В. С. Макаров, Е. А. Первушина, В. С. Флорова, Е. В. Халтурин-Халтурина; отв. ред. А. Н. Горбунов. М.: Наука, 2016. 884 с.
10. Шекспир У. Сонеты [Электронный ресурс] / подстрочный перевод А. Шаракшанэ. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/sonets-sharakshane-podstr.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 28.05.2018).
11. Шекспировские чтения, 1976 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/SHAKESPEARE/sh_ch76.txt (дата обращения: 15.06.2018).

**PECULIARITIES OF TRANSLATOR'S INTERPRETATION OF FLORA IMAGES BY A. M. FINKEL
WHEN REPRODUCING THE BEAUTY THEME IN SHAKESPEARE'S SONNETS**

Budyanskaya Nadezhda Viktorovna
Far Eastern Federal University, Vladivostok
nadyaboo@mail.ru

The author of the article considers to which extent the famous Russian translator of Shakespeare's sonnets, A. M. Finkel, managed to reproduce the connecting function of flora images. The translation of the full cycle of Shakespeare's poems, which has been highly appreciated by the leading researchers of Shakespeare's sonnets and their Russian translations, was the material for this analysis. The aim of the work was to study the peculiarities of the translator's interpretation of the plant images that are important for Shakespeare in creating the theme of beauty in his sonnets. In the course of the research, a number of translator's digressions from the original text, giving the theme of beauty new semantic nuances, were found out.

Key words and phrases: W. Shakespeare; sonnets; Russian translations of Shakespeare's sonnets; flora images; beauty theme.

УДК 8; 821.112.2

Дата поступления рукописи: 22.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.3>

В статье исследуется своеобразие интерпретации образа царя Эдипа в творчестве немецкого писателя середины XX века Франца Фюмана. Авторы задаются целью выявить причины и особенности трансформации данного мифологического образа. Новизна работы обусловлена попыткой непосредственного сопоставления традиционного и авторского образов Эдипа, а также оценкой нравственного потенциала нового образа. Ключевым моментом, определяющим мотивацию современного Эдипа в трактовке Ф. Фюмана, становится искажённое восприятие действительности на фоне событий Второй мировой войны. Авторы статьи приходят к выводу о редуцированном характере заимствований Ф. Фюманом проблематики трагедий Софокла и заметном стилистическом «снижении» образа фюмановского Эдипа, намеренно лишённого автором любых положительных черт по отношению к оригинальному Эдипу Софокла.

Ключевые слова и фразы: Ф. Фюман; миф; царь Эдип; объективная вина; неведение; фашизм; прозрение.

Волкова Виктория Борисовна, д. филол. н., доцент

Абрамзон Татьяна Евгеньевна, д. филол. н., доцент

Скворцова Мария Львовна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

VBL2004@bk.ru; ate71@mail.ru; mskvor@mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ ОБРАЗА ЭДИПА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПРОЗЕ ФРАНЦА ФЮМАНА

Ушедший, но всё ещё такой близкий и волнующий XX век вписал неоднозначные и драматичные страницы в немецкую историю. Эхо событий прошлого века и десятилетия спустя во многом определяет как сознание и мышление самих немцев, так и отношение к ним извне. Роль Германии в мировой истории сложно переоценить, она всегда могла сказать своё веское слово в политической, экономической и культурной сферах. Но тем чувствительней на этом фоне становятся любые промахи и ошибки, расплачиваться за которые приходится не одному поколению. Немецкий фашизм, являющийся табуированной темой в обыденном общении в Германии, отзывается известным чувством вины или, как минимум, погашенным, неявным комплексом побеждённого в душе каждого немца. Подобные болевые точки сознания/подсознания, несомненно, нуждаются в своеобразной духовной «терапии», что находит свой выход в том числе и в литературном творчестве немецких писателей.

Тему преодоления фашизма нужно признать вполне закономерной для творчества Франца Фюмана (Franz Fühmann, 1922-1984), одного из талантливейших авторов бывшей ГДР, прошедшего жернова Второй мировой войны с оружием в руках и закончившего её в советском плену. В своих произведениях писатель обращает внимание на безусловную актуальность и необходимость осознания и оценки собственного

прошлого как целостной картины, в единстве его положительных и отрицательных моментов. В противном случае становится невозможным движение к духовному равновесию и сбалансированному личному, а затем и общественному развитию. Смена идеологических позиций сопровождается болезненной ломкой ценностных установок, переосмыслением индивидуального жизненного опыта; поэтому фашизм рассматривается Ф. Фюманом прежде всего как ментальный феномен в единстве предпосылок его зарождения, укоренения, особенностей функционирования и разоблачения в человеческом сознании, а также последующего вытеснения из него. В этой связи следует отметить заметную тягу автора к психологизации своих произведений. Он изображает процессы реальности, разрабатывая проблемы не на уровне массовой идеологии, а в их преломлении в сознании отдельного индивида, поскольку частное представляется ему первичным по отношению к общему с точки зрения потенциала изменения.

Спецификой изображения собирательного образа современника, помеченного печатью фашизма, у Ф. Фюмана становится его сопоставление с мифологическим образом царя Эдипа. Выбор автора не случаен, ведь именно античный миф Софокла об Эдипе поднимает вопрос о вине и ответственности человека за свершённые деяния, акцентируя внимание на таких немаловажных аспектах вины, как обстоятельства, побудившие к свершению «деяний»; объективность либо субъективность вины; её сознание либо несознание; активность либо пассивность субъекта по отношению к возможности искупления вины и, наконец, нравственное очищение и возвышение духа вследствие преодоления обстоятельств вины.

С завидным постоянством прибегают современные авторы к помощи древних мифологических сюжетов и образов, это показательное и общепризнанное явление, ставшее тенденцией в мировой литературе. Заимствование античных мотивов и образов, использование их в прямой или опосредованной форме в современной литературе объясняется неисчерпаемой возможностью толкования мифа, которая, в свою очередь, базируется на его архетипической структуре. Опыт исследования архетипической составляющей мифа в науке достаточно богат, вопросами теории мифа и архетипа занимались Е. М. Мелетинский [4], М. Элиаде [10], К. Г. Юнг [11], Р. Барт [1], А. Н. Веселовский [2], А. Ф. Лосев [3] и др. По М. Элиаде, например, архетипы есть «модели для подражания во время любых значимых действий» [10, с. 18]; А. Н. Веселовский говорит о «запрограммированных» первобытной культурой сюжетах, наполняемых живым содержанием в зависимости от конкретного культурно-исторического фона эпохи [2, с. 156]. Основоположник аналитической психологии и учения об архетипах К. Г. Юнг обозначает архетип как «проявление глубинных слоёв бессознательного» [11, с. 105], то есть того, что присуще любому человеку как представителю вида. Архетип выступает в роли некой константы, устойчивого стержня, вокруг которого формируются новые оболочки – смыслы. Архетипы непрерывно воспроизводятся и функционируют на протяжении всей человеческой истории, претерпевая незначительные изменения, обусловленные конкретной культурно-исторической реальностью и субъективной авторской рецепцией. В результате ассимиляции литературного произведения и мифа достигается, с одной стороны, обогащение смысла упомянутого произведения универсальными ценностными категориями, с другой – происходит неизбежный процесс трансформации самого мифа, он начинает играть новыми гранями на фоне изменившихся условий действительности.

Принимая во внимание вышесказанное, авторы данной статьи ставят своей целью выяснить, какие новые, уникальные черты получает образ современного Эдипа в трактовке Ф. Фюмана, за счёт которых древнему мифу удаётся проникнуть в глубинную суть проблем современности и предложить читателю необходимые ориентиры на пути решения этих проблем.

В 1966 году издательство „Aufbau“ (Берлин, Веймар) публикует сборник новелл Франца Фюмана, получивший название «Эдип-царь» [13]. Сборник подводит своеобразную черту под размышлениями писателя в обширной послевоенной прозе 1950-1960-х годов относительно его собственной роли и роли его поколения в прошедшей войне. Переосмысливая прошлое, расставляя акценты своеобразно реалиям текущего момента, Ф. Фюман вносит свой вклад в духовное очищение и освобождение нации от скверны фашизма.

В сборник вошли произведения, написанные автором в разные годы, но связанные одной тематикой – впечатления войны и фашизм в любых его проявлениях. Среди них – и заглавное произведение «Эдип-царь» (1966), которое, как и сам сборник, однозначно указывает на наличие определённых параллелей между реальностью Второй мировой войны и античной основой мифа о царе Эдипе. Собственно говоря, мифологический мотив и образ Эдипа как таковой непосредственно вводятся в ткань повествования и властно правят сюжетом только в рамках этого произведения. Остальные новеллы хотя и не содержат прямых отсылок к мифу, но, тем не менее, обладают притчеобразной формой, содержат архетипическую константу мифа, благодаря которой образ Эдипа легко угадывается, не присутствуя в тексте явно. При этом мы намеренно не ставим задачу углубиться в дифференциацию форм проявления мифологического начала в этих произведениях, поскольку это несущественно в свете поставленных нами задач; и, кроме того, «разнообразие форм ассимиляции (литературы и мифа. – прим. авторов) само по себе подразумевает определённую свободу при выборе терминов для их обозначения» [5, с. 240].

Внимание Ф. Фюмана фокусируется прежде всего на особенностях усреднённого образа его соотечественника-современника, испытавшего на себе всю мощь идеологической машины фашизма, с перевёрнутой системой ценностей, уходящей корнями в детство. Агрессивная фашистская пропаганда не брезговала никакими средствами при «конструировании» удобного ей мировоззрения масс: в ход шло и бесстыдное манипулирование фактами, и искажение истории, и всевозможные демагогические приёмы, использующие «эффект толпы» в пробуждении

низменных человеческих инстинктов. В результате духовно ослеплённые, сбитые с толку люди были не способны объективно оценивать окружающую действительность, в неведении творя реально ужасные вещи.

Ключевой в этой связи момент неведения, т.е. субъективного несознания своей объективной вины, отсылает читателя к прямым аналогиям с судьбой античного царя Эдипа. Но время вносит свои коррективы в этот образ: если проблемы Эдипа у Софокла имеют корни в банальной неосведомлённости, отсутствии информации, то обстоятельства вины героев Ф. Фюмана складываются вследствие избытка искажённой, а порой и откровенно ложной информации. Информация всеильна, и человечество эпохи «информационных войн» хорошо усвоило этот урок истории.

Новелла «Однополчане» (1955) повествует о трёх немецких солдатах, дружба которых подвергается испытанию бессмысленным случайным убийством. Испытание превращает двух из них в мерзавцев – «Сильный имеет право на все, такова высшая мудрость жизни!» [13, S. 85] (*здесь и далее в тексте работы при цитировании немецкоязычных источников даётся перевод авторов*), – у которых не просто отсутствует субъективное сознание своей вины, они уверенно оправдывают себя, ссылаясь на высшее предназначение – «Мы родились, чтобы умереть за Германию!» [Ibidem, S. 78]. Третий – Томас, единственный, кто осознаёт чудовищность происходящего и остро переживает несостоятельность своих попыток хоть как-то изменить ситуацию, – не более чем трус в глазах товарищей. По ходу действия новеллы читатель наблюдает последовательное разоблачение лживых, лицемерных представлений о товариществе, верности и чести, культивируемых фашизмом, и фашистской идеологии в целом; в головах солдат работает не разум, а зазубренные в учебных лагерях фразы, заслоняющие собой реальность: «Человек – это дрянь. <...> Немец не может быть убийцей!» [Ibidem, S. 88]. Неведение, однако, не снимает с них груз ответственности за происходящее. В финале убийство приписывается «русским варварам», а Томас в смятении оставляет расположение части и гибнет, не видя возможности преодолеть противоречие между системой лжи и своими моральными установками.

Главный герой новеллы «Капитуляция» (1957), девятнадцатилетний немецкий солдат Антон Шельц, пребывает в плену всё тех же иллюзий. В последний день войны он, приговорённый к казни через повешение за дезертирство, благодаря счастливой случайности избегает смерти от рук эсэсовцев. Но ложные мифы об «ужасных русских», безоговорочно принимаемые им на веру, а также объяснимое недоверие к своим не оставляют ему выбора и ведут к фатальному, бессмысленному финалу. Лишь перед лицом смерти, в бреду он смутно ощущает «неправильность» своего бытия: «Вот за что я отдал свою жизнь. За этих убийц. За страшные законы этих убийц» [Ibidem, S. 192].

Сознание превосходства, основанное всего лишь на принадлежности к арийской расе, «подлинное чувство господина» [Ibidem, S. 135] и крайнее упоение властью над безоружным греческим поваром изображены в новелле «Суд божий» (1958). «Мы – боги! Фюрер сделал из нас богов!» [Ibidem, S. 136] – восторженно утверждает радист А., в его глазах это обоснование собственной правомочности творить «суд божий», в действительности оказывающийся трусливым убийством невинного грека. Прозрения не происходит, радист погибает от руки партизана.

Действие в новелле «Сотворение мира» (1966) также происходит на территории Греции (как признавался сам Ф. Фюман, многие факты, описываемые им в произведениях, автобиографичны, а соединение Ф. Фюмана воёвало, в том числе, в Греции. – прим. авторов); вновь имеет место противопоставление немецкого «заведомо героя» Фердинада В. и «без вины виноватого» неарийца. И опять эпитет «ослеплённый» по отношению к герою-мерзавцу сопровождает его предсмертные догадки о том, «что то, что он сделал, было ужасно» [Ibidem, S. 165].

Батальные сцены, сцены сражений с реальным противником в новеллах не присутствуют, практически во всех новеллах Ф. Фюман изображает условно мирную обстановку, периоды затишья на фронте и мнимых «виноватых» – посторонних людей, не имеющих отношения ни к солдатам, ни к партизанам. Тем чудовищнее на этом фоне жестокие, неоправданные убийства, спровоцированные иллюзорным мировосприятием, обнажающие многослойную ложь и преступную сущность фашистской идеологии в целом. Ослеплённые, обречённые Эдипы XX века калечили свои собственные судьбы и увлекали нацию в омут позора.

Две следующие новеллы – «Барлах в Гюстрове» (1963) и «Богемия у моря» (1962) – привносят свои примечательные черты в формирование образа Эдипа. Убийства и сцены явной жестокости на фоне военных действий уступают здесь место картине относительно спокойной жизни народа в довоенный и послевоенный периоды, но тень фашизма, оскверняющего разум и души людей, неизменно проявляется в обеих новеллах. Автор делает акцент уже не на действии как таковом, а на процессе рефлексии, духовного перерождения героев в русле осознания сути фашизма и формирования своей позиции по отношению к нему.

Поворотным моментом на пути к противостоянию с нацистским пониманием искусства и творчества для Эрнста Барлаха, немецкого скульптора и художника, выступающего в качестве литературного персонажа в новелле Ф. Фюмана, становится исчезновение из собора в Гюстрове его любимой бронзовой скульптуры «Ангела». Один день, показанный в новелле – 24 августа 1937 года, – образно иллюстрирует превращение художника-гуманиста в противника фашистских идеалов. Это его осознанный, трагический выбор, путь к изоляции и забвению; но, в то же время, это его нравственный долг и своеобразный «Эдипов путь» через страдания к духовному возвышению.

Бесцеремонное вмешательство фашистской клики в судьбы народов и последовавшее за этим насильственное переселение некоторых этнических групп, в частности, судетских немцев, описывается в новелле «Богемия у моря», где автор уже сам примеряет на себя образ Эдипа.

В центре внимания автора – трагедия «маленького человека» из народа, чья жизнь служила лишь расходным материалом, пешкой на шахматной доске воинствующих «повелителей судеб» в коричневых тонах. Ф. Фюман ведёт рассказ от первого лица, что позволяет ему открыто делиться с читателем своими впечатлениями и переживаниями по поводу встречи в одной из рыбацких деревушек на берегу Балтийского моря с женщиной «с потухшим взглядом» и тусклым, безразличным голосом – фрау Трауготт. Её безжизненный вид, а также жуткий, патологический страх перед морем, на берегу которого она оказалась после войны (не по своей воле!), не мог не тронуть душу тонко чувствующего писателя. Предприняв своё собственное небольшое расследование, автор с ужасом обнаруживает свою сопричастность к судьбе несчастной женщины. К нему приходит чёткое осознание той зловещей роли, которую в жизни фрау Трауготт и многих других, разделивших её судьбу переселенцев, сыграло безудержное стремление к власти носителей идеи о расовом превосходстве в немецком обществе. Ф. Фюман вынужден признать, что он, как бывший солдат вермахта, несёт на себе часть общей вины за поломанные судьбы многих народов: «...я увидел себя солдатом армии, выступившей в поход, чтобы положить конец самостоятельности народов, я охватил руками голову и понял, что судьба этой женщины неразрывно связана с моей собственной» [12, S. 302]. Понимая важность вопроса о неизбежной социальной ответственности за гибельные последствия недавней войны – своей личной и большого числа соотечественников, – прозревший Эдип в лице писателя побуждает читателя к объективной оценке прошлого: «Прошлое еще не прошло. До тех пор, пока хоть один человек задаётся вопросом, зачем было нужно переселение, прошлое еще не прошло» [Ibidem, S. 309].

Творческое осмысление писателем своей личной судьбы в любой исторической ситуации, как мы наблюдаем это в новелле «Богемия у моря», позволяет осуществлять её отождествление с судьбой всего поколения, что оказывает весьма продуктивное влияние на дальнейшие перспективы общественного развития в направлении гуманистических идеалов.

Окончательные очертания получает образ современного Эдипа в повести «Эдип-царь», являющейся своеобразным апофеозом внутреннего монолога Ф. Фюмана на тему антифашизма и во многом подготовленной его более ранними произведениями. Объём повести и особенности сюжета свидетельствуют об усложнённой структуре произведения, основой которой становится аллегорическое совмещение двух мифов из разных, достаточно удалённых друг от друга эпох – мифа о царе Эдипе родом из античной Греции и мнимого идеологического мифа периода фашистской Германии об избранности арийской расы. Подобное взаимодействие обеспечивает, прежде всего, многоаспектный подход в реализации ведущего образа произведения, а кроме того, на фоне истинного мифа отчётливее проявляется ложная, преступная суть мнимого мифа.

Действие повести вновь разворачивается на территории оккупированной Греции, хотя о действии опять-таки приходится говорить очень условно. По инициативе руководства высшей фронтовой школы «Эгеида», призванной выполнять просветительскую функцию в немецких войсках на Южных Балканах, силами солдат осуществляется подготовка постановки трагедии Софокла «Царь Эдип». В процессе репетиций прикомандированные к школе обер-ефрейтор З. и ефрейтор П. под началом капитана Н., командира подразделения связи в военной обстановке и профессора классической филологии до войны, пытаются проникнуть в суть древнегреческой трагедии и найти своё понимание вопроса вины царя Фив: «Имела ли место вина Эдипа в поступке, совершённом им по неведению и вопреки доброй, отзывчивой своей натуре?» [9, с. 29]; заслуживает ли презрения либо наказания поступок Эдипа?

Стоит отметить, что имена главных героев в повести практически не звучат; Ф. Фюман намеренно изображает некий усреднённый, безликий типаж солдата вермахта, подразумевающий «обычных молодых людей своего времени, которых вокруг было немало» [7, с. 100], и в которых любой современник писателя с лёгкостью мог бы узнать себя, «воспринимая их проблемы не отстранённо, а как свои собственные, близкие и знакомые» [Там же].

В ходе дискуссий звучат разные, в том числе, доходящие до абсурда варианты решения интересующего солдат вопроса в духе национализма, теории расового превосходства и чистоты крови. Обсуждение порой принимает довольно напряжённый характер, переходя из абстрактной, мифической плоскости в плоскость реальную, имеющую отношение к роли самих солдат в войне, они искренне недоумевают: «А почему, собственно, так много людей против нас? Ведь мы же за них воюем? <...> А чем они платят нам за это?» [9, с. 44]. Нетрудно догадаться, что ответ в данном случае обосновывается всё той же идеей избранности и врождённого права священной расы повелевать всеми иными расами и народами: «Так уж повелось, что кучка избранных борется и истекает кровью за орды косных тупиц» [Там же].

В условиях вынужденного отступления немецко-фашистских войск планам постановки не суждено было осуществиться. Но реальность через очередное убийство невинных греков опережает и по-своему интерпретирует смысл учёных бесед на тему вины и правомерности наказания Эдипа. Объективно преступный характер произошедшего нивелирует всякую, хоть сколь-нибудь отдалённую разумность доводов солдат, субъективно неспособных осознать иллюзорность своего положения. Ф. Фюман, безусловно, не стремится к оправданию подобного субъективизма, в противном случае этот путь грозит привести к чудовищным выводам и развязать руки для любых злодеяний. Писатель даёт повод для размышлений, обнажая болевые точки сознания и предоставляя читателю возможность расширить границы своего восприятия.

Следует обратить внимание на важное обстоятельство: проблематика одноимённой трагедии Софокла принципиально шире, чем та, что представлена в повести Ф. Фюмана. Софокловского Эдипа отличает

целенаправленное, осознанное стремление к истине, обусловленное чувством ответственности за свой народ и заботой о судьбе полиса:

«...Я вижу ясно: все
Страдаете. Но ни один из вас
Всё ж не страдает так, как я страдаю:
У вас печаль лишь о самих себе,
Не более – а я душой болею
За город мой, за вас и за себя» [8, с. 80-85].

Античный Эдип – пример высоко нравственного, активно действующего героя, вся жизнь которого замыкается на непрерывном поиске правды и обличении собственных преступлений. Разоблачение же героев Ф. Фюмана достигается преимущественно посредством внешних обстоятельств, сами они не способны на самостоятельное, общественно обоснованное и значимое действие. В целях своей безопасности фашистское государство жёстко и целенаправленно подавляло индивидуализм, превращая людей в серую, податливую, безликую и безголосую массу. В целом, рецепция образа Эдипа Ф. Фюмана выдержана в гуманистическом духе и направлена на акцентуацию роли отдельного человека в истории; на подобной же точке зрения настаивал в своё время К. Г. Юнг: «Лишь изменение установки отдельного человека становится началом изменения психологии нации. Великие проблемы человечества ещё никогда не решались посредством всеобщих законов, но всегда решались лишь посредством обновления установки отдельного человека» [11, с. 28].

Таким образом, динамике античной трагедии противопоставлены определённая ограниченность сюжета и крайняя пассивность героев повести; что, впрочем, вполне логично для автора, определяющего субъективный опыт индивида в целом как «пассивное восприятие внешних воздействий» [6, с. 66]. Подобная позиция явилась также прямым отражением известной слабости и нерешительности немецкой, творческой в том числе, интеллигенции 50-60-х годов. Герои Ф. Фюмана покорно плывут в «мутном потоке» извращённой нацистской «квазимудрости» и не предпринимают никаких действий, способных приблизить их к реальному видению картины мира. Более того, в последующем произведении фиванского цикла Софокла – трагедии «Эдип в Колоне» – отчётливо высказывается мысль о влиянии человека на его судьбу, поскольку страдания, на которые обрекает себя древнегреческий царь Эдип, ведут к искуплению вины и нравственному очищению. Очевидно, что этот высший уровень индивидуального самосознания, к сожалению, пока недоступен «современным Эдипам» Ф. Фюмана.

Список источников

1. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 72-130.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
3. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 599 с.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 2000. 407 с.
5. Овчарова С. В. К вопросу о терминологической вариантности обозначения форм ассимиляции литературы и мифа // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2017. Т. 2. С. 240-243.
6. Овчарова С. В. Концепция мифа в западноевропейской литературе (на примере творчества Ф. Фюмана): традиции и новаторство. Магнитогорск, 2015. 77 с.
7. Овчарова С. В. Миф в творчестве Франца Фюмана: особенности интерпретации: дисс. ... к. филол. н. Магнитогорск, 2009. 216 с.
8. Софокл. Царь Эдип // Софокл. Трагедии / пер. с древнегреч. С. Шервинского. М.: Искусство, 1979. С. 79-182.
9. Фюман Ф. Эдип-царь // Фюман Ф. Избранное: сборник / пер. с нем.; сост. и предисл. А. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. С. 19-63.
10. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. М.: Инвест-ППП, 1996. 240 с.
11. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / пер. с нем. М.: Канон, 1994. 320 с.
12. Fühmann F. Böhmen am Meer // Fühmann F. Erzählungen 1955-1975. Rostock: Hinstorff-Verlag, 1982. S. 283-318.
13. Fühmann F. König Ödipus. Gesammelte Erzählungen. Berlin: Aufbau-Verlag, 1966. 403 S.

ORIGINALITY OF OEDIPUS' IMAGE IN FRANZ FÜHMANN'S POST-WAR PROSE

Volkova Viktoriya Borisovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Abramzon Tat'yana Evgen'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Skvortsova Mariya L'vovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
VBL2004@bk.ru; ate71@mail.ru; mskvor@mail.ru

The article examines the originality of the interpretation of king Oedipus' image in the works of the German writer of the middle of the XX century Franz Fühmann. The authors aim to identify the causes and features of this mythological image transformation. The novelty of the work is conditioned by an attempt to compare directly the traditional and the writer's images of Oedipus, as well as the assessment of the moral potential of a new image. The key point, determining the motivation of modern Oedipus in F. Fühmann's interpretation, is the distorted perception of reality against the background of the events of the Second World War. The authors make a conclusion about the reduced nature of F. Fühmann's borrowings of the problems of Sophocles' tragedies and the noticeable stylistic "decline" of the image of Fühmann's Oedipus, deprived deliberately of any positive features by the writer in relation to original Sophocles' Oedipus.

Key words and phrases: F. Fühmann; myth; king Oedipus; objective fault; ignorance; fascism; epiphany.